

ЕКАТЕРИНА ГОРПИНКО

ПО СЛЕДАМ МАСТЕРА *и* МАРГАРИТЫ

МАРШРУТЫ ОТ ГИДА МУЗЕЯ «БУЛГАКОВСКИЙ ДОМ»

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

**Самые
интересные
прогулки**

ЕКАТЕРИНА ГОРПИНКО

ПО СЛЕДАМ МАСТЕРА *и* МАРГАРИТЫ

МАРШРУТЫ ОТ ГИДА МУЗЕЯ «БУЛГАКОВСКИЙ ДОМ»

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

Новоарбатский мост

ул. Новой Арбат

Кутузовский проспект

р. Москва

Ленинский проспект

ВСТУПЛЕНИЕ

Почти сто лет назад, в 1921 году, Михаил Афанасьевич Булгаков без денег и вещей приехал в Москву, чтобы остаться в ней навсегда. Бывший врач в Киеве и начинающий драматург во Владикавказе, куда его занесла судьба, он родился в Москве как писатель. «Сорок сороков», «Москва краснокаменная», «Золотистый город» – все эти ранние фельетоны Булгакова о ней, о его Москве. Столица в его блокноте раскрылась такой, какой до этого ее не знала русская литература. У Грибоедова Москва была бездуховно-провинциальная, у Пушкина – гостеприимно-парадная, у Бунина – богемно-купеческая, у Цветаевой – торжественно-уютная... С появлением романа «Мастер и Маргарита» взгляду читателя явилась новая Москва. Перед ним предстал город, в котором никак не решить квартирный вопрос, в котором возможны коты, разъезжающие на трамваях, и трамваи, отрезающие головы. Это город, в котором случилась история настоящей, вечной любви. Наконец, это город, в котором однажды побывал дьявол. Гротескная, фантазмагорическая, причудливая реальность, созданная Булгаковым на страницах романа, великолепно вписалась в столичные декорации и гармонично существует в них до сих пор. Текст великого произведения стал органичной частью Москвы, ее неотъемлемым элементом и даже своего рода визитной карточкой. Множество гостей столицы начинают знакомство с городом на экскурсии именно по булгаковским местам. И любой современный москвич назовет вам пару-тройку мест, в которых, согласно роману, творилась чертовщина. За мной, я приглашаю тебя в Москву «Мастера и Маргариты»!

В этой книге – 6 маршрутов. Каждая точка на карте слева соответствует одной из глав и отсылает к соответствующему разделу.

4

3

2

1

5

6

Большая садовая ул.

Торжская ул.

Садовая улица

ТЕАТР ВАРЬЕТЕ — ТРИУМФАЛЬНАЯ ПЛ., 2, СТР. 1

1. Почему здесь? Здесь находился Мюзик-холл, который Булгаков посещал и в котором он вдохновился номерами артистов для сеанса черной магии Воланда.
2. В наушниках: музыка из старинного водевиля Д. Т. Ленского «Лев Гурыч Синичкин, или Провинциальная дебютантка».
3. Взять с собой: билеты в Театр сатиры — и в месте из романа побываете, и на спектакль заодно ходите.
4. Что надеть: что надевают в приличный театр (и красивое белье на всякий случай — кто его знает).
5. Совет: выберите духи из списка Геллы и надушитесь ими в этот вечер.

Начнем нашу прогулку по следам героев романа с сада «Аквариум». Это был один из первых развлекательных садов в России, в котором все делалось на потеху публике. Первоначально сад назывался «Чикаго», но после того как его арендовал знаменитый антрепренер Шарль Омон, сад получил имя «Аквариум». В Петербурге уже был знаменитый сад с таким же названием, решили: пускай будет и в Москве. Расцвет сада пришелся на 1910-е годы. Гуляющие любовались громадными аквариумами с диковинными рыбами, переливающимися в свете огней гирлянд, и пышными цветочными

клубами. В саду устраивались атлетические состязания, катались на роликах, запускали воздушный шар и устанавливали разные аттракционы. О том, как зрители собрались посмотреть на мотоциклиста, выполняющего мертвую петлю, писала Надежда Тэффи:

Сад большой, красивый. Посреди сада знаменитая старая и вечно новая «Looping the Loop». Вокруг трепещущая ожиданием публика. Наконец очередь настала. На эстраду вышел изящный молодой человек и в убедительнейших выражениях попросил публику не шуметь, не чихать, не вздыхать, не кричать и не аплодировать, и, кроме того, еще соблюдать тишину. Музыка замолкла, и мы стали «соблюдать».

Сидя в рестораниках, глядя на летнюю эстраду, можно было под звуки оркестра насладиться вкусным ужином и приятным зрелищем. Вокруг аллей пестрели тумбы с афишами концертов и спектаклей самых ярких артистов своего времени. В 1910 году газета «Утро России» писала:

В «Аквариуме»... обновлена вся программа открытой сцены. В качестве «гвоздей» приглашены семь андалузок танцовщиц-хироманток, которые по окончании своих танцев будут сходиться в партер «рассказывать всем желающим их судьбу», и труппа пантомимистов Зенетц, разыгрывающих пантомимы с животными-автоматами.

Словом, было весело!

О дивертисменте в театре сада вспоминала и актриса немого кино С. Гославская:

Вот уже и разукрашенный разноцветными фонариками сад «Аквариум». Звуки штраусовского вальса несутся навстречу. Входим в громадный зал, уставленный столиками, застеленными белоснежными скатертями. Сверкает хрусталь. Впереди — ярко освещенная сцена. Там, словно сквозь серебристый туман, различаю порхающие силуэты танцовщиц. Играет оркестр. За столиками — непрерывный сдержанный гул. Публика самая фешенебельная...

Между тем на сцене появляется негр в красном фраке с золотыми галунами и начинает отплясывать чечетку. Его ноги в золоченых сапожках, как автоматы, выбивают мельчайшую дробь. Но вот оркестр замолкает...

Чардынин поднял бокал. Мы чокнулись и выпили за успех. Снова заиграл оркестр. Сцену залил багровый свет. Возникает гибкий силуэт юноши. Он, все ускоряя и ускоряя танец, скользит, как бы изнемогая от смертельного ужаса. Следом за ним появляется женщина-вампир с алебастровым, мертвым лицом, горящими глазами, с громадным кровавым ртом. Она неотступно преследует его. Ее тело чуть прикрыто острыми, змеинообразными кровавыми колючками. Пламенно-рыжие волосы мечутся за плечами. Тонкие, цепкие щупальца — руки протянуты вперед. Юноша изнемогает. Вампир настигает, стелется вокруг него, с воплем вскакивает ему на грудь и впивается зубами в горло. Кровавые брызги обильно покрывают белое трико юноши...

Оказывается, рыжая вампирша, пусть и в качестве выступающей, появлялась в «Аквариуме» задолго до Геллы. Совпадение? Не думаю!

В 1920–1930-е годы в «Аквариуме» по-прежнему работали театр, казино, кинозал и ресторан. Наверняка неизвестно, но, думается, Михаил Афанасьевич не раз проводил в саду свой вечер. Он упоминает «Аквариум» в «Роковых яйцах»:

Рядом, в «Аквариуме», переливаясь рекламными огнями и блестя полубогаженным женским телом, в зелени эстрады, под гром аплодисментов, шло обозрение писателя Ленивцева «Курицыны дети».

Увеселительный сад был буквально виден из окон коммунальной кухни дома, где жил Булгаков. Иногда писатель ходил попытать удачу в казино, что заканчивалось плачевно, как вспоминала его первая жена Татьяна Николаевна Лаппа:

Будит в час ночи: «Идем в казино — у меня чувство, что я должен сейчас выиграть!» — «Да куда идти, я хочу спать!» — «Нет, пойдем,

пойдем!» Все проигрывали, разумеется. Наутро я все собирала, что было в доме, — несла на Смоленский рынок.

Сегодня сад «Аквариум» — это чудесное место, где все дышит умиротворением и покоем. Днем солнце играет в листве и голуби купаются в журчащих струях фонтана, а вечером влюбленные пары на скамейках о чем-то щебечут в теплом свете фонарей, и интеллигентная публика спешит в театр Моссовета. Почти невообразимо, невозможно себе представить, что в этом тихом уголке Москвы происходили страшные вещи в романе «Мастер и Маргарита»! А между тем так оно и было, только вместо «Аквариума» сад назван «Летним».

Начнем с того, что именно здесь Азazelло и Бегемот избили несчастного Варенуху за то, что тот понес телеграммы куда не следует.

Варенуха выбежал, захлопнув за собою дверь, и через боковой ход устремился в летний сад. Администратор был возбужден и полон энергии. После наглого звонка он не сомневался в том, что хулиганская шайка проделывает скверные шуточки и что эти шуточки связаны с исчезновением Лиходеева. Желание изобличить злодеев душило администратора, и, как это ни странно, в нем зародилось предвкушение чего-то приятного. Так бывает, когда человек стремится стать центром внимания, принести куда-нибудь сенсационное сообщение. В саду ветер дунул в лицо администратору и засыпал ему глаза песком, как бы преграждая путь, как бы предостерегая. Хлопнула во втором этаже рама так, что чуть не вылетели стекла, в вершинах кленов и лип тревожно прошумело, потемнело и посвежело. Администратор протер глаза и увидел, что над Москвой низко ползет желто-брюхая грозовая туча. Вдали густо заворчал.

Избиение случилось в общественном туалете. Там же, в столь неромантических условиях, Гелла своим поцелуем превратила администратора театра «Варьете» в вампира.

Посмотрите на здание Театра сатиры, в сад выходят окна гримерок артистов и служебных помещений. Представьте среди них и окно кабинета Римского.

Большой кабинет на втором этаже театра двумя окнами выходил на Садовую, а одним, как раз за спиною финдиректора, сидевшего за письменным столом, в летний сад «Варьете», где помещались прохладительные буфеты, тир и открытая эстрада.

А теперь представьте, как в это окно ломится вампирша Гелла!

Та заспешила, всунула рыжую голову в форточку, вытянула сколько могла руку, ногтями начала царапать нижний шпингалет и потрясать раму. Рука ее стала удлиняться, как резиновая, и покрылась трупной зеленью. Наконец зеленые пальцы мертвой обхватили головку шпингалета, повернули ее, и рама стала открываться. Римский слабо вскрикнул, прислонился к стене и портфель выставил вперед, как щит. Он понимал, что пришла его гибель.

Жуть берет! Помните, что спасло жизнь финдиректору? Ответ дан в названии главы – «Слава петуху!». Крик этой птицы предвещает восход и отпугивает нечистую силу. Теперь зададимся нетривиальным вопросом: откуда в центре Москвы взяться петуху? Об этом в романе не сказано, но, возможно, вы догадаетесь, посмотрев изда-лека с противоположной стороны Садового кольца на крышу Театра сатиры. Нет, там не разводят птиц, не волнуйтесь. Просто эта крыша куполообразная. Подобный архитектурный изыск подсказывает нам, что раньше здание было круглое и что строили его в 1911 году для первого русского цирка – цирка братьев Никитиных. Это уже потом, в 1963 году, здание подверглось капитальной реконструкции и стало в большей степени походить на театр, чем на цирк.

В цирке Никитиных, разумеется, какой только живности не было, в том числе были петухи. Один из них в романе и спас Римского. Кроме того, были слоны, о чем Булгаков упоминает в повести «Собачье сердце»:

— Доктор, прошу вас, съездите с ним в цирк. Только, ради бога, посмотрите в программе — котов нету?

— И как такую сволочь в цирк пускают, — хмуро заметил Шариков, покачивая головой.

<...>

— У Никитиных... У Никитиных... Гм... Слоны и предел человеческой ловкости.

— Так-с. Что вы скажете относительно слонов, дорогой Шариков?

— недоверчиво спросил Филипп Филиппович.

Тот обиделся.

— Что же, я не понимаю, что ли. Кот — другое дело. Слоны — животные полезные, — ответил Шариков.

Упоминается цирк и в «Роковых яйцах»:

В цирке бывшего Никитина, на приятно пахнувшей навозом коричневой жирной арене мертвенно-бледный клоун Бом говорил распухшему в клетчатой водянке Биму:

— Я знаю, отчего ты такой печальный!

— Отциво? — пискливо спрашивал Бим.

— Ты зарыл яйца в землю, а милиция пятнадцатого участка их нашла.

— Га-га-га! — смеялся цирк так, что в жилах стыла радостно и тоскиво кровь, и под стареньким куполом веяли трапеции и паутина.

— А-ап! — пронзительно кричали клоуны, и кормленная белая лошадь выносила на себе чудной красоты женщину, на стройных ногах, в малиновом трико...

Когда цирк в 1926-м не смог больше оплачивать пищу животным, он из здания выехал. Его место занял Московский мюзик-холл, который и послужил прототипом для театра «Варьете». На сцене

Мюзик-холла, например, блестяще выступала, показывая «чудеса велосипедной техники», семья велофигуристов Польди (они же Подрезовы), выведенные в романе под именем «семьи Джули». Чем же порадовали Воланд и его свита зрителей в тот незабываемый вечер? Столь фееричную программу не под силу повторить ни одному развлекательному заведению и по сей день. Глотание колоды карт? Запросто. Денежный дождь с ничем не сравнимым запахом только что напечатанных купюр? Пожалуйста! Отрывание головы надоедливому конферансье? Эйн, цвей, дрей — и готово!

Между прочим, Булгаков сам в период безденежья в первые годы в столице подрабатывал конферансье маленького театра и не понаслышке знал тяготы этой профессии. Тем не менее Жоржа Бенгальского не пощадил. На нашем счету уже вторая после Берлиоза оторванная голова. Мотив обезглавливания в романе, возможно, намекает на «безголовое», то есть легкомысленное, невежественное и попросту глупое общество, каковым изображено большинство народонаселения Москвы. В то же время перед нами вновь отсылка к фокусам артистов, которых Михаил Афанасьевич видел в качестве зрителя. По мнению исследователей, Булгаков мог вдохновиться программой артиста оригинального жанра Николая Орнальдо, который в 1930-х годах выступал с карточными фокусами и «распиливанием» на кусочки своих ассистенток. До сих пор трюки с отрезанием головы или других частей тела популярны, не так ли?

Но, пожалуй, самым впечатляющим эпизодом вечера стал модный дамский магазин, распахнувший свои двери для ошарашенных москвичек!

...Пол сцены покрылся персидскими коврами, возникли громадные зеркала, с боков освещенные зеленоватыми трубками, а меж зеркал витрины, и в них зрители в веселом ошеломлении увидели разных цветов и фасонов парижские женские платья. Это в одних витринах, а в других появились сотни дамских шляп, и с перышками, и без перышек, и с пряжками, и без них, сотни же туфель — черных, белых, желтых, кожаных, атласных, замшевых, и с ремешками, и с камуши-

ками. Между туфель появились футляры, и в них заиграли светом блестящие грани хрустальных флаконов. Горы сумочек из антилоповой кожи, из замши, из шелка, а между ними — целые груды чеканных золотых продолговатых футлярчиков, в которых бывает губная помада. Черт знает откуда взявшаяся рыжая девица в вечернем черном туалете, всем хорошая девица, кабы не портил ее причудливый шрам на шее, заулыбалась у витрин хозяйской улыбкой.

Чтобы понимать всю значительность произошедшего, углубимся в историю. Самое емкое слово, описывающее начало 1920-х годов в Москве, — слово «разруха». Город только приходит в себя после революции и гражданской войны. «В Москве есть все, — пишет Булгаков в Киев, — но купить ничего невозможно, потому что ни у кого нет денег». Действительно, была жуткая инфляция. Если вы не советский чиновник, не нэпман, не его жена, то предметы роскоши вам совершенно недоступны. Больше того, если у вас есть второй костюм или второе платье — вы состоятельный человек. Сам Булгаков хорошо ощутил это время на себе. В его письмах читаем:

В пальто хожу как-то боком, продувает почему-то правую сторону, и мечтаю купить Тасе теплую обувь, у нее только туфли.

или

Идет самый черный период моей жизни. Мы с женой голодаем. Пришлось взять у дядьки немного муки, постного масла и картошки... Обегал всю Москву — нет места. Валенки рассыпались.

или

...вопрос, как летнее пальто жены превратить в шубу.

Так в основном живут все. В 1930-е наблюдается относительный рост уровня жизни советских людей, но в стране сохраняется дефицит одежды. Почти каждая женщина вынуждена была уметь шить и вязать, чтобы самостоятельно соорудить себе то, что не найти в магазинах, или «починить» вышедший из строя костюм.